

ВОЗМОЖНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

С. В. Володенков

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Российская Федерация, 119049, Москва, Мароновский пер., 26
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

С. Н. Федорченко

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Российская Федерация, 119049, Москва, Мароновский пер., 26
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Российская Федерация, 115409, Москва, Каширское шоссе, 31

Н. М. Печенкин

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Российская Федерация, 119049, Москва, Мароновский пер., 26
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр., 49/2

Статья посвящена выявлению особенностей формирования и трансформации мировоззрения и его ключевых компонентов в условиях интенсивного развития современной цифровой коммуникационной среды. В связи с этим в работе выдвигается исследовательская гипотеза о том, что цифровая информационно-коммуникационная среда, а также цифровые коммуникационные технологии, механики, аффордансы и алгоритмы не являются ценностно нейтральными и обладают потенциалом влияния на содержательные аспекты мировоззренческих представлений индивидов. Для подтверждения данной гипотезы авторами осуществлен дискурс-анализ современных исследований по данной проблематике, а также проведено международное экспертное исследование с комплексированием и анализом полученных результатов. В статье определяются и рассматриваются особенности влияния цифровых инструментов на массовые представления пользователей цифровой среды об объективной действительности, а также на традиционные мировоззренческие и ценностно-смысловые модели. По итогам исследования сделано заключение о высоком уровне ценностной окрашенности и существенном влиянии цифровой информационно-коммуникативной среды, а также цифровых коммуникационных технологий, механик, аффордансов и алгоритмов на современные мировоззренческие представления индивидов. Делается

* Исследование выполнено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках проекта «FZNF-2022-0001 — Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

вывод о приобретении современным пространством цифровых коммуникаций самостоятельного онтологического статуса, что в условиях значительного падения объемов прямого опыта взаимодействия индивидов с реальной действительностью является фундаментом для интенсивной замены традиционных способов познания мира и формирования мировоззренческих представлений через реальное социальное взаимодействие на цифровые, максимально виртуализированные способы миропознания. Также авторы приходят к выводу о том, что высокие скорость и интенсивность, кажущаяся хаотичность и разнонаправленность, высокая динамика структуры цифровых коммуникаций определяют кризис ценностно-смысловой и мировоззренческой самоидентификации современного человека.

Ключевые слова: мировоззрение, цифровая среда, ценности, смыслы, умные алгоритмы, аффордансы, цифровая коммуникация.

Мы стоим перед основным парадоксом: без техники невозможна культура, с нею связано самое возникновение культуры, и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечет культуру к гибели.

Н. А. Бердяев. «Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)»

ВВЕДЕНИЕ

Складывающаяся в информационно-коммуникационной сфере ситуация позволяет говорить об определенных трендах, влияющих на традиционные социальные и политические институты. Активно обсуждаемые в академических кругах концептуальные модели капитализма платформ (Н. Срничек) или капитализма слежения (Ш. Зубофф) свидетельствуют о тех экзистенциальных вызовах монополизма цифровых корпораций, которые затрагивают не только политические процессы и их акторов, но и легитимирующую их существование основу — мировоззренческую.

Возможности, специфика и ограничения влияния цифровизации, цифровых технологий и коммуникаций на мировоззрение человека, как правило, просчитываются очень узким кругом специалистов либо вовсе не просчитываются, так как проблема заключается в своеобразном «технологическом перехлесте» — не только правоведа, но и экономисты, политологи, культурологи, антропологи не всегда успевают в своих прикладных и фундаментальных исследованиях своевременно отражать мировоззренческие последствия и трансформации массового внедрения «сквозных технологий» (интернета вещей, алгоритмов, нейросетей, искусственных интеллектуальных автономных систем и т. п.). Кроме того, представители общественных наук не всегда успевают довести четкое видение о возможностях, рисках и угрозах «сквозных технологий» в виде моделей до органов власти, чтобы предотвратить непоправимые метаморфозы в отношении таких важных элементов мировоззренческого дизайна, как «человек», «семья», «общество», «государство» и «страна» [Харичев и др., 2022]¹.

¹ Мы не исключаем, что позитивный прорыв в данном направлении возможен при создании междисциплинарных аналитических групп из разных российских университетов, которые включали бы не только социологов, политологов, экономистов, правоведов, психологов,

Актуальность проблемы формирования мировоззрения в цифровой среде обуславливает необходимость выявления и деконструкции новых «цифровых мифов», связанных с гиперболизацией роли социальных сетей, алгоритмов и нейросетей в мировоззренческом дизайне. Данная исследовательская стратегия позволит четче определить, во-первых, зрелые и взвешенные рассуждения о границах влияния алгоритмов и других «сквозных» цифровых технологий на компоненты мировоззрения, построить модели и аналитические схемы такого влияния и, во-вторых, осознать причины критических позиций по этому поводу.

В настоящее время дополнительную актуальность выбранная проблема приобрела из-за переосмысления и попыток реконцептуализации теории суверенитета. Интересно, что если раньше исследователи изучали совершенно разные компоненты суверенитета — национальную безопасность, политическую, экономическую и культурную составляющие, то сейчас выходят на совершенно новые исследовательские горизонты в плане комплексного анализа технологического и ценностного суверенитета, государственного регулирования медиахолдингов [Дегтерев, 2022; Торкунов, 2022].

Изучение фактора влияния цифрового пространства на механизмы формирования и воспроизводства мировоззренческих картин важно и для объективного понимания особенностей создания непротиворечивой идентичности конкретной страны, а также для купирования рисков информационных войн, деструктивных провокаций цифровой природы, чреватых социальными, политическими и культурными расколами, межэтническими и межрелигиозными конфликтами.

ГИПОТЕЗА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей работе будет проверена рабочая гипотеза о том, что цифровая информационно-коммуникативная среда, а также цифровые коммуникационные технологии, механики и алгоритмы не являются ценностно нейтральными и обладают потенциалом влияния на содержательные аспекты мировоззренческих представлений индивида.

С целью проверки предложенной гипотезы авторами статьи был организован международный экспертный опрос «Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде». В сентябре — октябре 2022 г. авторами были опрошены 26 экспертов в сфере цифровизации современной политики из Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Республики Беларусь, Болгарии, Республики Узбекистан, Киргизской Республики, Хорватии, Боснии и Герцеговины. В экспертном опросе участникам было предложено ответить как на открытые, так и на закрытые вопросы. В дальнейшем количественные оценки были подвергнуты процедуре комплексирования, а ка-

культурологов, религиоведов, антропологов, но и специалистов в области технических наук и информационных технологий.

чественные оценки использовались для формирования комплексного обоснования количественных результатов исследования.

При понимании категории мировоззрения авторы отталкивались от того, что это субъективная система восприятия, оценки и интерпретации процессов, событий и явлений окружающего мира (включая духовный, социальный мир), в том числе поведенческие стратегии, основывающиеся на целостной и непротиворечивой сумме ценностей, убеждений, смыслов и символов, носителем которых выступает индивид либо человеческая общность [Володенков, 2022].

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Обращаясь к научной литературе по мировоззренческому аспекту цифровизации нынешней социально-политической и экономической жизни человека, в первую очередь следует поставить два вопроса: можно ли говорить об особенностях возможностей формирования мировоззрения в условиях цифровой среды? и какие критические позиции существуют по этому поводу в академическом дискурсе? Тем самым можно сегментировать корпус имеющихся научных работ.

Задаваясь первым вопросом, следует обратиться к авторам, которые допускают возможности формирования мировоззрения в цифровом универсуме, а именно в его конкретных составляющих — социальных сетях и цифровых платформах. К примеру, профессор университета Лидса С. Коулман такую возможность вполне допускает, фактически говоря о компетенциях, формирующих «демократическое мировоззрение»: «внести значимый вклад», «восприниматься значимым», «быть открытым к обмену аргументами», «осмыслить политическое». Коулман уверен, что цифровые ресурсы способны развить демократические компетенции у граждан [Коулман, 2018, с. 90–107], и отмечает такую открывающуюся возможность, как «замедление демократии», особенность которой заключается в своевременном и адекватном усвоении человеком сложной политической информации. Однако, как справедливо отмечает белорусский политолог Т. В. Лемешова, алгоритмическая логика таких цифровых платформ, создающая искусственную социальную среду, «скрыта, непрозрачна, нелинейна» [Лемешова, 2022, с. 120].

Большой вклад в изучение проблемы сделал С. Лэш, введя концепт постгегемонистской власти — новой формы власти, принимающей онтологический характер, базирующейся на алгоритмах, встроенных в культурные и социальные практики людей [Lash, 2007, р. 55–78]. Иными словами, постгегемонистская власть зависит от разработчиков алгоритмов — программистов и включена в повседневный коммуникационный процесс (схожие тезисы мы можем видеть в концепции аллократии А. Аниша и модели социальной власти алгоритмов Д. Бира). М. Айрольди пишет, что алгоритмические рекомендации видео в YouTube, с одной стороны, зависят от числа пользовательских кликов и передают макротренды, влияя на предпочтения и выбор людей, с другой стороны, выстраивают ассоциативные связи между культурными объектами у пользова-

телей в режиме реального времени [Airoldi, 2015]. При этом популярный ролик может изначально просматриваться небольшой нишевой аудиторией².

Алгоритмы социальных сетей могут комплектовать новостную ленту, подбирать контент с ценностной нагрузкой для пользователя в зависимости от мировоззренческих предпочтений человека. Это актуализирует проблему ценностной непредвзятости самих разработчиков (и их заказчиков) алгоритмов социальных сетей. Российский политолог А. В. Курочкин в своей статье обращает на это внимание, подчеркивая, что распространение социальных сетей тесно связано с ценностным базисом — «экспансией культуры и ценностей “западного” мира» [Курочкин, 2017], технологической стороной постмодернизации на основе англосаксонской культуры и английского языка. Подобная идея возвращает нас к известной работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», в которой немецкий социолог хорошо описал развитие разных сторон протестантской культуры: провиденциализм, связь идеи избранничества, спасения человека с систематическим самоконтролем, профессиональной деятельностью, методической регламентацией, рациональной моделью поведения, технологическим развитием [Вебер, 2021, с. 146–152, 219].

Поразительно, но тезис Вебера о методичном ведении протестантского дневника можно сравнить с современной культурой активного ведения страницы аккаунта социальной сети. Таким образом, сравнение новых и прежних исследований заставляет выдвинуть тезис об обратном влиянии цифровой среды, ее алгоритмов на мировоззрение: создатели цифровой среды изначально заложили в нее свои ценности, которые данная среда распространяет и усиливает в разных странах при отсутствии у них цифрового суверенитета (собственных независимых цифровых экосистем)³.

Учеными фиксируются и метаморфозы традиционных коммуникационных механизмов формирования мировоззрения: замедляется, нарушается нравственная социализация подрастающих поколений, высокая скорость информации изменяет прежние ритмы ценностной интерпретации, осмысления контента. При этом человек не успевает адаптировать дошедшие до него посредством цифровых коммуникаций идеи, образы под собственные убеждения, принципы и идеалы [Емельяненко, 2013, с. 58–62]. Некоторые авторы [Пудовкина, 2017] поднимают вопрос так называемого клипового сознания⁴ в виде «религиозно-подобного сознания» (термин З. И. Файнбурга), синтезирующего религиозную

² Вполне возможно, что лучшее понимание взаимосвязи макроуровня (сверхпопулярного у многих пользователей и сообществ) и микроуровня (нишевого, например, в рамках одного сетевого сообщества) потребления мировоззренческих смыслов (в форме креолизованного, текстового, фото-, аудио- и видеоконтента) достижимо при более глубоком исследовании влияния эффекта эхокамер на ценностные предпочтения пользователей.

³ Понятно, что данный тезис является не аксиомой, а только наблюдением, а следовательно, нуждается в дополнительной эмпирической проверке.

⁴ По нашему мнению, проблематика «клипового сознания», «клипового мышления» нуждается не только в серьезной аргументации, но и в более основательной концептуализации. Пока же можно только говорить о формах поведения, информационного потребления (коллективного, индивидуального) и сетевой активности, усиливаемых либо ослабляемых цифровой средой.

традицию и секулярную культуру, упрощающего религиозные формы мировоззрения до эпизодического участия в ряде обрядов, индивидуальной религиозной саморепрезентации и низкого уровня воцерковленности.

Здесь резонно упомянуть категорию темных медиа Ю. Такера, напоминающего, что людям нравится наделять современные медиа исключительными возможностями (по сути, мистическими) посредников между реальным и недоступным миром⁵. Такер совместно со своими коллегами А. Гэллоуэем и М. Уорк разработал модель экскоммуникации — однонаправленного и одностороннего коммуникационного акта из сообщения, прекращающего любые последующие коммуникационные акты и сообщения в императивном порядке [Гэллоуэй и др., 2022, с. 28–29, 99]. Темные медиа (те же алгоритмы со своей непрозрачностью для неспециалистов) в этой модели претендуют на преодоление протоколов экскоммуникации. Такая ничем не обоснованная убежденность пользователей во всемогуществе технического прогресса и социальных сетей, в частности, провоцирует важную корректировку в их мировоззрении — к цифровой среде начинают относиться как к пространству, где реально возможно достижение социального равенства. Условия цифровой архитектуры даже влияют на появление новых режимов темпоральности, при которых пользователи начинают верить в то, что к времени можно относиться как к обратимому феномену [Лучинкина, 2016].

Это парадокс, но заложенные в капиталистическое общество и его технологии протестантские ценности рациональности, самоконтроля, описанные Вебером, фактически привели к ремифологизации — возрождению мифологического мировоззрения в условиях цифрового общества⁶. Даже ритуалы при всей секуляризации жизни никуда не исчезли. Помимо традиционных религиозных ритуалов стали распространяться «цифровые ритуалы» — однотипные действия, приобретающие социальный характер (лайки, комментарии, дизлайки, репосты, просмотр новостной ленты, селфи). Нельзя полностью

⁵ Вероятно, такое наделение медиа исключительными свойствами непознаваемого является следствием низкой алгоритмической грамотности, недостаточной просвещенности большинства населения. В принципе идея Ю. Такера о темных медиа имеет параллели и напоминает нам представление А. Ф. Лосева о мифе как о сочетании нереального, фантастического, с одной стороны, и реально-вещественного, действительного, с другой стороны, раскрытого советским ученым в книге «Диалектика мифа».

⁶ Такой тезис, конечно, не является претензией на некий окончательный вывод. Любая теоретическая рамка, гипотеза нуждается в перепроверке. Но тем не менее на это косвенно указывает огромный поток символов, интернет-мемов, хештегов с ценностной нагрузкой, активно циркулирующих в тематических сообществах социальных сетей. Ремифологизация как ответная реакция на излишнюю рационализацию цифровой среды (в виде капитализма слежения, алгоритмизации, постоянного анализа, психопрофилирования, ранжирования пользователей) отчетливо просматривается на примере тех субкультур, складывающихся вокруг ничем не обоснованной и нерациональной веры индивидов в могущество темных медиа. Существующая архитектура цифровой среды пока не может полностью заставить человека подчиняться своим особенностям, порядкам, алгоритмам, поэтому нарушающийся баланс эмоционального и рационального, мистического и секулярного будет непременно восстанавливаться, даже самым парадоксальным образом. Окончательное разрушение такого баланса — экзистенциальный вызов человеку и всему человечеству.

исключать того, что такие процессы, а также эпистемологические сдвиги мировоззрения домодерна, модерна и постмодерна обуславливают специфику современных информационных войн, а также аксиомахии — ценностной войны [Федорченко, 2022].

Также важно отметить, что часть авторов рассматривает специфику влияния цифровой среды и ее технологий на мировоззрение в рамках исследования новых идентичностей. В.А.Емелин, изучая риски присвоения идентификационных номеров, снятия биометрии, конструирования «виртуальных стай», непрерывное производство новых маргинальных групп в либеральных обществах, приходит к выводу, что современные технологии обслуживают наиболее примитивные и архаичные практики [Емелин, 2017, с.281]. Дж.Чейни-Липпольд в своих работах вводит категорию новой алгоритмической идентичности, создающейся из разных анонимных пользователей посредством алгоритмов. Отталкиваясь от идей Ж.Делёза, автор видит признаки постоянно модулируемого общества и алгоритмической идентичности в трансформации индивидуумов в «дивидуумов» — бесконечно делимых реципиентов, попадающих в тотальную зависимость от форм цифрового контроля: «Мы фактически теряем контроль над определением того, кем мы являемся в Сети, или, точнее, мы теряем контроль над значениями категорий, составляющих нашу идентичность. Алгоритм в конечном счете осуществляет контроль над нами...» [Cheney-Lippold, 2011, p. 164–181].

Очевидно, что причинами такого техновторжения в традиционные механизмы формирования мировоззрения (через институты семьи, государства, церкви, партий) являются не только исследования в области психопрофилирования, первоначальная ориентированность цифровых коммуникаций на модель регламентации, систематического самоконтроля, но и ценности постгуманизма, радикально смешивающие «культурное» и «природное» [Крайнов, 2019]. Постгуманистическое мировоззрение создает поистине экзистенциальные вызовы для человека, так как рассматривает его сознание наподобие цифровой информации, признает приоритет виртуальной среды над физическим миром, а также необходимость объединения компьютера и человека⁷. Неслучайно на фоне мировоззренческой трансформации (если не турбулентности), кризиса традиционных идеологий, распространения ценностей технофетишизма, появления цифровых актантов, мимикрирующих под субъектов человеческой коммуникации, исследователи заговорили о необходимости гуманизации общения — «перезагрузки» понимания признаков самого общения [Быков, Куршкин, 2022].

⁷ Такого рода постгуманистические идеи разделяются футурологом Р. Курцвейлом, введшим термин «технологическая сингулярность». Тогда как В. Виндж уже пишет не просто о технологической сингулярности, а о «постсингулярном мире» высокоскоростных сетей, предлагая три сценария развития событий: катастрофичный сценарий ВГУ (взаимного гарантированного уничтожения), счастливый сценарий Золотого века и сценарий Колеса времени (постоянных циклов катастроф и восстановлений, что напоминает древний концепт разрушительного огня Гераклита, изложенный им в работе «О природе»).

Между тем есть и критические оценки уникальности цифрового воздействия на мировоззрение. В основе большинства таких критических позиций и моделей лежит концепция мифа машины американского культуролога Л. Мамфорда. Ключевая идея Мамфорда — механизация привела к огромному числу технических устройств, создавших условия для преувеличения технического развития человечества и значения технократической цивилизации [Колесник, 2020]. Миф машины способствовал тому, что человек начал ассоциировать себя с техническими приспособлениями. Тогда как постоянно совершенствующиеся машины не давали человеку выйти из техноутопической иллюзии, в которой стали проступать черты тоталитаризма и идолопоклонничества.

И. А. Исаев в своей монографии как раз пишет об обманчивости впечатления о принципиальной новизне сути цифровых технологий. Переосмысливая идею Левиафана Т. Гоббса, теорию безличной рациональной бюрократии М. Вебера, тезисы Л. Мамфорда, автор подчеркивает, что цифра не только существовала до появления цифровой среды, но и мифологизировалась со времен пифагорейцев, культивируя стереотип эффективности и функциональности, постепенно став рациональной базой политического в виде феномена «машины власти»: «Цифровое общество, это царство количества и анонимности, сопровождается навязчивой иллюзией: создается впечатление, что в нем правит Никто...» [Исаев, 2019, с. 63]. Мысль о сохранившемся в новой цифровой мифологии архаичном и переходящем образе «машины власти» (якобы способной решить все проблемы человека) отчетливо перекликается с тезисом Е. М. Мелетинского о функциональной роли мифологического образного мышления⁸, необходимого для объяснения, санкционирования существующего социального порядка через взаимную поддержку мировоззрения и социального поведения человека.

Т. Б. Медведева объясняет появившиеся надежды на технологии их связью с элементами современных утопических представлений (наподобие «цифровой утопии» — *Digitopia*), основанных на неолиберальных идеях [Медведева, 2011]. В основе технологического утопизма лежит идея тотального информационного общества, без которого в современных условиях будет сложно воспроизводить составные части неолиберальной политической экономии (формирование международных стандартов и цен, открытость национальных рынков мировым, подвижность финансового капитала, рабочей силы, ресурсов и т. п.). По мнению Медведевой, декларируемые успехи цифровой революции являются очередным вариантом утопического проекта и социальных иллюзий, возникших на базе западной культурной традиции.

На первый взгляд может показаться, что довольно часто мировоззренческие риски цифровой среды становятся предметом дискуссий между технофобами

⁸ В своей книге «Поэтика мифа» Е. М. Мелетинский специально уточняет, что факты архаичного (образного) мифологического мышления можно обнаружить и в современных развитых обществах. По его мнению, нельзя отрицать познавательную роль мифологического мышления, как-то принижая его относительно мышления научного. Миф глубоко социален и содержит в себе объяснительную логику бинарных оппозиций противоположных значений. Вполне вероятно, что цифровая среда со своими принципами ранжирования, алгоритмичности лишь придала этой особенности дополнительные возможности, но не более того.

(опасающимися потенциальных социальных и ценностных угроз новых технологий и относящимися к научно-техническому прогрессу с недоверием) и технократами (отводящими технологиям лидирующую роль в развитии человеческой цивилизации). Однако Н. М. Твердынин в своей работе показывает, что не все так однозначно — в зависимости от социальных реалий технократические пристрастия могут сменяться технофобиями⁹. Даже сама идея технократии сильно мифологизирована [Твердынин, 2020]. К примеру, исследователь считает изрядным преувеличением технократизм, приписываемый Петру I; с другой стороны, по его мнению, абсолютизация роли технологий немецким правительством сыграла роль в поражениях Германии в мировых войнах.

Появились критические оценки уникальности виртуальной сферы. Например, М. А. Пронин высказывает идею о «природной виртуальности человека»: «...виртуальные психологические состояния были зафиксированы и описаны во многих областях деятельности человека до появления виртуальности компьютеров и Интернета» [Пронин, 2016, с. 52]. Цифровые технологии виртуальной реальности лишь снимают барьер («защиту») у человека от самого себя, барьер, помогающий ему осознать переход в виртуальное состояние. По этой причине автор выступает за обязательную этическую регламентацию разработок технологий виртуальной реальности.

Кроме того, существует модель «алгоритмического сопротивления», согласно которой алгоритмы, наоборот, всецело зависят от самих людей, их запросов и потоков данных. Другими словами, только цифровые следы людей могут генерировать алгоритмическую власть, означающую на практике лишь «политику внимания», способную определять репрезентации и важнейшие значения людей, событий и объектов. Следовательно, активистам, представителям гражданского общества нужно только выработать правильные и адекватные приемы по алгоритмическому сопротивлению. В рамках такой модели алгоритмы расцениваются как медиаинституты или специфические технологии, но не более того (подобное видение во многом отталкивается от критической теории технологий А. Финберга, предлагающего ниспровергнуть внедренные в современные технологии ценности рациональности и сфокусироваться на потребностях, опыте людей, сопротивляющихся технологическому господству). Модель «алгоритмического сопротивления» [Velkova, Kaun, 2021] опирается на кейсы, подобные проектам World White Web в 2015 г. Инициатор этого проекта, шведский дизайнер Дж. Бурай, возмутилась, что могла найти с помощью Google для своей работы только изображения рук белых людей. Сначала она попыталась понять особенности непрозрачного алгоритма PageRank, способного усиливать либо уменьшать видимость того или иного контента (в том числе культурного, мировоззренческого) в зависимости от ссылок на искомый объект с иных

⁹ Не исключено, что даже сменяющие друг друга в зависимости от политической и экономической конъюнктуры тренды технократизма и технофобий берут свое начало также в довольно архаичных представлениях человека, а именно в мифах «золотого века», «потерянного рая» и эсхатологических мифах о конце мира (что также хорошо показал Е. М. Мелетинский в главе «Космические циклы и эсхатологические мифы» своей книги «Поэтика мифа»).

веб-ресурсов. Тогда активистка попросила друзей размещать изображения рук небелых людей в социальных сетях, инициировала пресс-выпуск о расовой дискриминации в интернете. К проекту подключились издание Dazed, медиакомпания BuzzFeed, веб-ресурс музыкального сообщества BBC Fader и другие массмедиа. В итоге изображения рук небелых людей начали постепенно подниматься на верхние строки результатов поисковых наборов Google.

Делая промежуточный вывод по краткому дискурс-анализу мнений о влиянии цифровой среды на мировоззрение, можно отметить, что, во-первых, действительно, есть группа ученых, которая придерживается позиции об уникальной роли цифровых технологий (алгоритмов, искусственного интеллекта и др.) в мировоззренческой трансформации общества. Во-вторых, имеются сторонники критического подхода к этой проблеме, усматривающие корни цифровизации, технократии, алгоритмического контроля в архаичном прошлом человечества.

Вместе с тем выявляется и проблема парадоксального взаимодействия и взаимовлияния ценностей и технологий: с одной стороны, создатели цифровой среды уже обладают мировоззрением; с другой стороны, цифровая среда способна к корректировке и изменению изначально заложенных в нее идей, что хорошо видно на примере ответной ремифологизации социальных сетей, функционирующих в цифровой среде, которую изначально позиционировали как некую область рационального.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проверки выдвинутой рабочей гипотезы помимо анализа существующих научных источников по проблеме цифрового влияния на мировоззрение человека также было проведено экспертное исследование, результаты которого во многом подтвердили имеющиеся у авторов представления о характере, степени и особенностях влияния цифровой среды и применяемых в ее рамках технологий, механизмов и алгоритмов на содержательные компоненты традиционных мировоззренческих систем. В первую очередь участникам экспертного исследования было предложено оценить, в какой степени особенности цифровых коммуникационных механизмов, обеспечивающих трансляцию необходимого контента для формирования различных мировоззренческих компонентов, влияют на содержательные аспекты формирования мировоззрения современного человека. Для этого использовалась количественная шкала от 1 до 10 баллов (1 — абсолютно не влияют, 10 — влияют максимально). Как показал анализ ответов респондентов, большинство экспертов высоко оценивают степень подобного влияния (рис. 1). Примечательно, что ни один из респондентов не смог констатировать абсолютное отсутствие такого влияния.

При этом, отвечая на открытый вопрос об особенностях и характере влияния цифровых коммуникационных механизмов на содержательные аспекты формирования мировоззрения современного человека, эксперты определили целый спектр ключевых характеристик и особенностей, позволяющих дать качественное развитие количественных экспертных оценок.

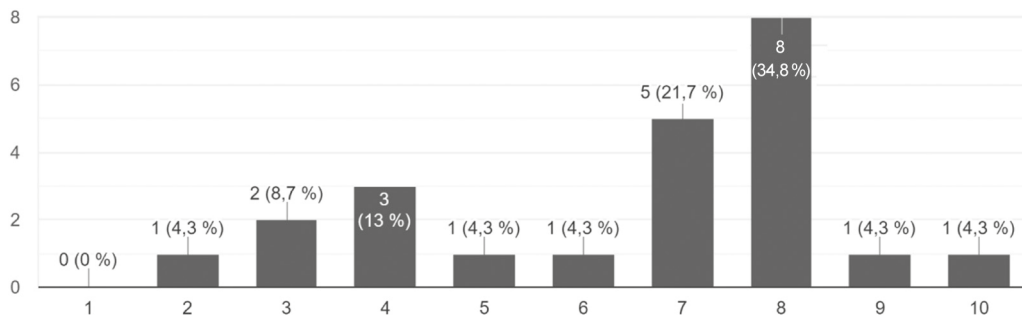

Рис. 1. Оценка степени влияния особенностей цифровых коммуникационных механизмов на содержательные аспекты формирования мировоззрения современного человека

Особенности цифровых коммуникационных механизмов обуславливают целый ряд новых характеристик современного мировоззрения, которые ранее не проявлялись в «офлайнном» обществе. Так, респонденты отмечают, что в настоящее время цифровая реальность поэтапно становится доминирующей/ведущей в формировании мировоззрения отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом в связи с тем, что цифровое развитие и социально-технологические потребности становятся приоритетными над физическими, биологическими и социокультурными. На различных этапах развития человечества, по мнению ряда экспертов, всегда доминировала та или иная реальность (природная, биологическая, социокультурная). Например, природная когда-то выступала ведущей в первых мифорелигиозных мировоззренческих системах или в мировоззрении натурфилософов эпохи Просвещения. В периоды биологических угроз, пандемий и проч. приоритет приобретала биологическая реальность, например в современных биополитических и виталистских мировоззренческих системах. Сегодня складывается приоритет цифровой реальности, который выстраивает новый характер и тип взаимодействия между различными форматами жизнедеятельности человека (физической, биологической, социокультурной, цифровой). Последнее обуславливает и повышение значимости цифровых коммуникационных механизмов, которые не только обеспечивают трансляцию данного нового характера и типа взаимодействий, но и существенно влияют на содержательную трансформацию современного мировоззрения, формируя новую цифровую мировоззренческую систему современного человека и социальных групп.

При этом новые цифровые коммуникационные механизмы, по мнению части респондентов, обладают рядом важных особенностей по отношению к процессам трансляции, формирования и функционирования мировоззрения. В первую очередь речь идет о конкурентности и разнонаправленности источников мировоззренческого контента. Как отметил один из экспертов, «мы не можем ожидать, что мировоззрение современного человека будет формироваться по схемам типа «Один Бог, один король, одна вера, один народ» или «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», а постмодернистское

мировосприятие соотносится с современным развитием цифровых коммуникационных технологий». Однако подобного рода конкурентность и разнонаправленность цифрового контента порождают несистемность и противоречивость, приводя к разрушению целостности картины мира, традиционных мировоззренческих моделей, обладавших определенной целостностью, непротиворечивостью и устойчивостью. Следствием этого становятся фрагментарность и эклектизм современных мировоззренческих представлений, формирующихся в цифровом пространстве; бегство индивидов от метанарративов; мозаичность мировоззрения, которое теперь состоит из несостыковывающихся частей на личностном уровне. Это способствует уязвимости системы представлений и ценностей, которая перестает быть целостной, непротиворечивой, т.е. состоящей из взаимообусловленных компонентов. В итоге это приводит к эфемерности мировоззренческих констант и аксиом, формированию мировоззренческих кризисов как на персональном, так и на коллективном уровнях. Сама личность, как ярко выразился один из экспертов, «становится хрупкой, балансирующей на грани срыва в экзистенциальную неопределенность».

В качестве еще одной значимой характеристики эксперты выделили кибертрансформацию и расчеловечивание механизмов трансляции мировоззрения. Основными агентами трансляции мировоззрения перестают быть конкретные люди — «столпы общества» (мать и отец, священник, староста, учитель, наставник и пр.) и неvirtуальные человеческие сообщества (трудовой коллектив, церковный приход и пр.). На смену им приходят с высокой частотой сменяющиеся в пространстве социальных медиа виртуальные собеседники, с которыми индивида не связывают никакие устойчивые социальные отношения. Более того, эти собеседники во многих случаях являются симулированными и симулякризированными (боты, киберсимулякры), а возможности и форматы взаимодействия с ними определяются не самим человеком, а лишь алгоритмами и дизайном цифровых площадок коммуникации, преследующих собственные интересы и цели (в первую очередь речь идет о цели монетизации (капитализм платформ) и получения цифровых данных о пользователе (надзорный капитализм)). Не менее важным становится тренд на автоматизацию коммуникационных взаимодействий в цифровом пространстве и появление цифровых актантов, способных в автономном режиме коммуницировать с «живыми пользователями», транслируя им на основе интеллектуальных алгоритмов разнообразные типы контента, в том числе включающие в себя и мировоззренческий контент.

В этой связи крайне важными для нас представляются ответы экспертов на вопрос о том, являются ли интерфейсы, аффордансы, архитектура и алгоритмы современных цифровых систем и технологий (цифровых платформ, приложений, социальных сетей, форумов, блогов и т. п.) ценностно нейтральными. Оценка производилась по количественной шкале от 1 до 10 (1 — абсолютно не окрашены, 10 — максимально ценностно окрашены) (рис. 2).

Отвечая на вопрос о том, являются ли алгоритмы искусственного интеллекта и нейросети, применяемые в процессах современного цифрового ин-

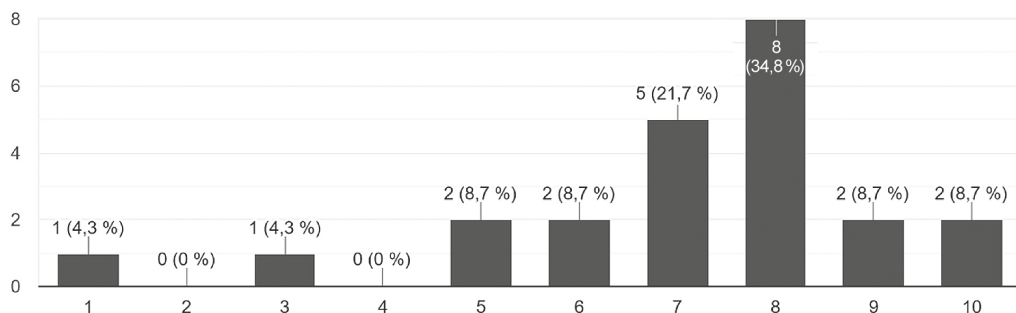

Рис. 2. Ценностная окрашенность интерфейсов, аффордансов, архитектуры и алгоритмов современных цифровых систем и технологий

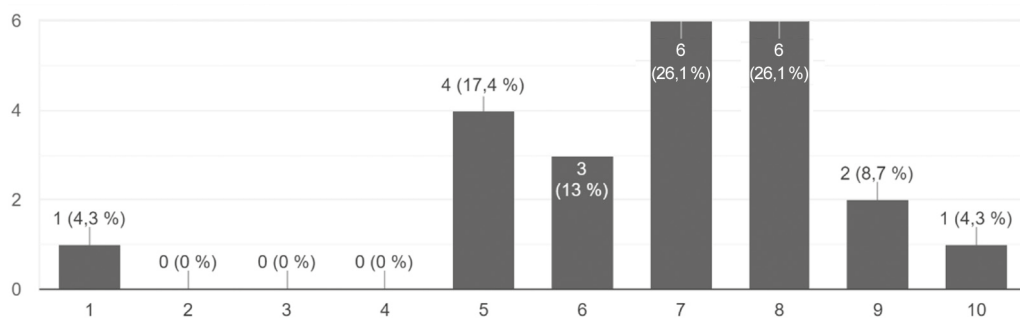

Рис. 3. Ценностная нейтральность алгоритмов искусственного интеллекта и нейросетей

формационно-коммуникационного взаимодействия, ценностно нейтральными (1 — абсолютно не окрашены, 10 — максимально ценностно окрашены), эксперты также достаточно высоко оценили ценностную окрашенность «умных» алгоритмов, во многом подтверждая выдвинутую нами исследовательскую гипотезу (рис. 3).

Как заметил один из участников исследования, «современные цифровые технологии напрямую определяют мировоззренческую архитектуру, особенно молодых людей, за счет формирования мышления при помощи различных цифровых технологий подбора публикаций». На фоне подобной ситуации, по оценкам ряда респондентов, цифровые коммуникации актуализируют феномен отчуждения человека от социума. Развиваются различные формы отчуждения (человека от человека, человека от человеческого коллектива, человека от своей природы), происходит расчеловечивание самого человека, он начинает мыслить себя как набор аватаров. В социальном плане это ведет к снижению социальной сопричастности и, в частности, к невозможности вырабатывать или принимать общие целеполагающие социополитические идеи.

В то же время многие эксперты отметили, что цифровые коммуникационные механизмы значительно ускоряют как время коммуникации, в ряде случа-

ев расширяя диапазон доступных источников информации¹⁰, так и смену самих каналов трансляции мировоззренческих представлений. Цифровое информационно-коммуникационное пространство вокруг человека, коммуникационные связи, структура каналов трансляции контента, как и сам контент, становятся высокодинамичными и неструктурированными, препятствуя возможностям создания устойчивых представлений о событиях, процессах, явлениях, фактах. Ценности, идеи, символы постоянно сменяются на экране «умного» устройства перед глазами пользователя, а сознание все больше погружается в хаос высокоинтенсивных цифровых потоков, оказывающих крайне значимое информационное (и при этом разнонаправленное) давление на ценностно-смысловые константы общества и отдельного человека.

С учетом специфики цифровых коммуникационных механизмов (ограниченность и избирательность, сознательная или неконтролируемая изоляция от других ценностных и идеологических мнений) такие эффекты могут формировать ложные представления об обществе, существующих и доминирующих в нем ценностно-смысловых установках. Более того, наиболее фундаментальные принципы мировоззрения как общества, так и отдельного человека в цифровом пространстве становятся доступными и открытыми для разнообразных манипулятивных практик. По экспертным оценкам, современный человек и его мировоззрение в значительной степени зависят от цифровых механизмов, которые и обеспечивают контент для формирования мировоззрения. И если опыт социальной коммуникации не подкреплен богатым и разнообразным опытом личного взаимодействия, не базируется на твердом культурном фундаменте и качественном гуманитарном образовании, не подкреплен практикой критического мышления, в большинстве случаев цифровые коммуникации приводят к искажению социальной действительности и форматированию мировоззренческих установок в соответствии с доминирующей в данном сегменте цифрового общения системой мировоззрения¹¹. Человек оказывается в информационной капсуле, а на коллективном уровне путем многократного тиражирования через цифровые ресурсы формируется эффект «спирали молчания». В конечном итоге большинство конформистски настроенной аудитории готово смириться с доминирующей точкой зрения, даже если изначально было настроено критически или негативно. Так в цифровом пространстве происходит распространение новых ценностно-смысловых и мировоззренческих установок, постулатов, идей, концептов, суждений, поведенческих норм, которые за счет использования технических возможностей мультиплицирования претендуют на общезначимость, формируя дискурс, направленный на доминирование кон-

¹⁰ Мы считаем, что актуальное состояние цифровизации сферы общественных и политических коммуникаций позволяет нам говорить не столько о расширении спектра доступных источников, сколько о возможностях создания архитектуры управляемого выбора, в рамках которой выбор того или иного источника становится управляемым, а сам спектр доступных источников является программируемым и управляемым, формируя лишь иллюзию «свободы» и «богатства» выбора информации.

¹¹ В особенности это касается подрастающего поколения, имеющего крайне ограниченный «нецифровой» опыт.

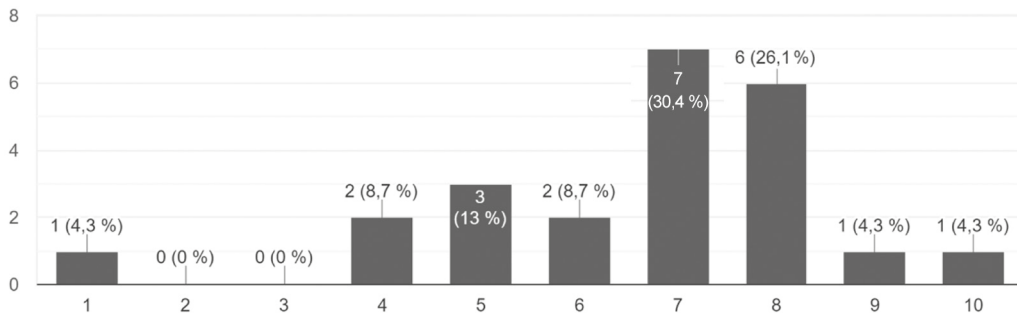

Рис. 4. Оценка степени зависимости ценностно-смысловых компонентов мировоззрения от особенностей коммуникационной среды и механизмов информационно-коммуникационного взаимодействия

кретной модели мировоззрения на уровне групп пользователей либо в масштабе всего общества.

Также значительное число принявших участие в экспертном исследовании респондентов отметило достаточно высокую степень зависимости формируемых ценностно-смысловых компонентов мировоззрения от особенностей коммуникационной среды и механизмов информационно-коммуникационного взаимодействия применительно к цифровому пространству (рис. 4) по количественной шкале от 1 до 10 (10 — максимальная зависимость)¹².

Рассуждая о зависимости ценностно-смысловых компонентов мировоззрения от особенностей цифровой коммуникационной среды и механизмов информационно-коммуникационного взаимодействия, эксперты сформулировали целый спектр мнений относительно подобной зависимости. Так, ряд экспертов отмечает, что приоритет цифровой реальности во взаимодействии с социокультурной, природной и биологической заключается прежде всего в том, что цифровое пространство ориентировано на формирование у пользователя отличных от традиционных представлений, ценностей и правил взаимодействия, стимулирует определенные формы цифровой активности человека, их взаимодействия с реальными или виртуальными объектами, контентом, акторами, а также выработку определенных типов отношений к иным измерениям человеческого существования.

В итоге под влиянием цифровой коммуникационной среды происходит ломка классических ценностно-смысловых моделей. Место идеологии как артикулированной системы ценностей и смыслов занимает *постидеология*. При этом доминирующий статус приобретают ценностные установки самовыражения,

¹² Тем не менее следует отметить позицию одного из экспертов, выразившего путем выставления оценки в 1 балл мнение о том, что доказать влияние механизма и канала передачи информации на мировоззренческие установки достаточно сложно, так как данный вопрос до сих пор остается неизученным на индивидуальном уровне, что, в нашем представлении, лишь актуализирует необходимость комплексного и глубокого рассмотрения выдвинутой нами исследовательской гипотезы и изучения поставленной в ней проблемы.

осложняющие возможности социальных сборок. Цифровые поколения не воспринимают дискурс вокруг больших смыслов, в том числе смыслов жизни. Все это препятствует эффективному формированию, осмыслению, принятию и освоению коллективных и общественно значимых ценностей. Как отмечает один из экспертов, сетевое общение имеет природу, отличную от делиберативной институциональной коммуникации, в связи с чем общественно-политическая дискуссия в цифровом пространстве имеет стохастический характер, а мнение складывается накопительным, кумулятивным путем. Данное обстоятельство порождает ряд эффектов, например echo chambering, массовый отказ от дискуссии под давлением среды, взлет роли фатической коммуникации, нормализацию хейт-спича и т. д.

Цифровое пространство, по мнению ряда экспертов, существенно расширяет возможности доступа к информации, но без сознательной и активной политики по его использованию существенно сужается кругозор индивидов и объем значимой информации об окружающей действительности, снижается мотивация приобретать навыки самостоятельного мышления, искать и анализировать факты, на основе логики выстраивать аргументацию и критически осмысливать собственные гипотезы, что формирует манипулятивный потенциал цифровой коммуникации в рамках формирования определенной ценностно-смысловой парадигмы на фоне низкой критичности восприятия транслируемого цифрового контента, включая мировоззренческий. Одним из результатов такой манипуляции является создание массовой иллюзии «свободы выбора». В связи с этим один из участников исследования отмечает, что цифровые технологии обеспечивают ощущение свободы выбора (контента, мнения, собеседников, адресатов), т. е. того, чего человек лишен в реальном социальном и политическом пространстве. И чем дальше, тем больше это ощущение будет усиливаться, и не столько за счет расширения коммуникативных возможностей цифровой среды, сколько за счет сокращения возможностей ощущения свободы вне цифрового пространства. Неслучайно другой участник исследования отмечает со своей стороны, что на самом деле, если исключить иллюзии свободы в цифровом пространстве, «чем больше общения в цифровой среде, тем менее свободна и самостоятельна личность в формировании мировоззренческой позиции».

В целом мы можем определить экспертную позицию, в соответствии с которой специфика коммуникационной среды и механизмов информационно-коммуникационного взаимодействия самым серьезным образом влияет на формирование ценностно-смысловых компонентов мировоззрения в контексте современного цифрового пространства. Это связано прежде всего с тем, что коммуникационная среда организована именно по принципам ценностно-смысловой ориентации пользователей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги данного исследования, мы можем сделать вывод о том, что дискурс-анализ материалов современных исследований, посвященных проблемам и особенностям формирования мировоззрения в цифровой среде, а так-

же результаты проведенного международного экспертного опроса во многом подтверждают выдвинутую нами гипотезу о том, что цифровая информационно-коммуникативная среда, а также цифровые коммуникационные технологии, механики и алгоритмы имеют высокую ценностную окрашенность, т.е. не являются ценностно нейтральными и обладают потенциалом влияния на содержательные аспекты мировоззренческих представлений индивидов — активных пользователей цифровых информационно-коммуникационных ресурсов.

В первую очередь это обуславливается приобретением современным пространством цифровых коммуникаций самостоятельного онтологического статуса. В условиях значительного падения объемов прямого опыта взаимодействия индивидов с реальной действительностью (что стало особенно актуальным в условиях форсированной цифровизации на фоне пандемийных ограничений 2020–2021 гг.) происходит интенсивная замена традиционных способов познания мира и формирования мировоззренческих представлений через реальное социальное взаимодействие на цифровые, максимально виртуализированные способы миропознания, а также конструирования ценностно-смысловых компонентов мировоззрения. Данное обстоятельство связано с активным разрушением в цифровом пространстве традиционных мировоззренческих моделей, которые замещаются искусственно внедряемыми в сознание индивидов цифровыми альтернативами, во многих случаях не отражающими объективную действительность, но лишь искажающими либо симулякризирующими ее, отклоняющими массовое сознание от реального мира.

В подобных условиях цифровая коммуникация становится определяющей при формировании мировоззренческих представлений не только на уровне транслируемого контента, который в большинстве случаев является смещенным по отношению к объективной реальности и ценностно окрашенным, но и на уровне самих технологий, аффордансов и алгоритмов, которые, по нашему мнению, уже больше не являются нейтральными. Иными словами, даже нейтрально подаваемый контент приобретает определенное ценностно-смысловое значение, зависящее от используемых цифровых механик, алгоритмов, технологий и существующих аффордансов цифрового пространства и его платформ. Информационное капсулирование пользователей, «умное» управление выдачей контента, доминирование мнений над фактами, активное применение цифровых симулякров, погружение индивида в виртуальный опыт, подменяющее реальные социальные практики, лишь усугубляют проблему формирования современного мировоззрения и сохранения его традиционных компонентов.

В подобных условиях цифровая среда становится не только удобным, комфортным и мобильным виртуальным пространством для разнообразных интеракций, но, главным образом, глобальным цифровым пространством со своей ценностно-нормативной системой, символикой, «цифровым правом» (нормативный инжиниринг) и цифровой идентификацией, которые постепенно и устойчиво вытесняют социально-культурную идентификацию личности, традиционные общественно-политические формы общественной организации и социального взаимодействия. Цифровые платформы все активнее выступают инициаторами общественных дискуссий (например, массового обсуждения

принятых властно-управленческих решений) и социальных акций (например, акции несогласных с существующей повесткой дня), осуществляют консолидацию социальных интересов и потребностей, реинтерпретируют общественно-политические явления, события, процессы, социальные смыслы и ценности, а также активно принимают участие в общественной оценке и принятии решений, что самым непосредственным образом влияет на формируемые модели мировоззрения.

При этом высокие скорость и интенсивность, кажущаяся хаотичность и разнонаправленность, высокая динамика структуры цифровых коммуникаций определяют кризис ценностно-смысловой и мировоззренческой самоидентификации современного человека, его отчуждение от социума, от себя самого и своей природы.

В связи с этим нам представляются крайне важными и необходимыми как дальнейшее комплексное изучение обозначенной нами проблемы, так и выработка научно обоснованных рекомендаций по сохранению традиционных ценностно-смысловых и мировоззренческих моделей в условиях глобальной цифровизации ключевых сфер существования современного человека и общества, чему мы и планируем посвятить наши следующие исследования.

Литература

Быков И. А., Курушкин С. В. Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 419–432. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432>

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. Левиной. М.: АСТ, 2021. 352 с.

Володенков С. В. Окружающий мир как симулятивная реальность: о коммуникационных основах современного мировоззрения // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 20–40. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-20-40>

Гэллоуэй А. Р., Такер Ю., Уорк М. Экскоммуникация: три эссе о медиа и медиации / пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 256 с.

Дегтерев Д. А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 352–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371>

Емелин В. А. Идентичность в информационном обществе. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2017. 360 с.

Емельяненко В. Д. Интернет и ценностно-мировоззренческие основания морали // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9, ч. 2 (35). С. 58–62.

Исаев И. А. Технология власти. Власть технологии. М.: Проспект, 2019. 144 с.

Колесник И. И. Развенчание «мифа машины» в культурфилософии Льюиса Мамфорда // Международные отношения и диалог культур. 2020. № 8. С. 211–220. <https://doi.org/10.1870/NUM/2304-9480.8.15>

Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? / пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2018. 132 с.

Крайнов А. Л. Ценности постчеловеческого будущего: проблема выбора // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 1. С. 16–20. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-16-20>

Курочкин А. В. Рациональность в сетевой коммуникации: от иерархии к плюрализму ценностных оснований // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2017. № 3. С. 42–47.

Лемешова Т. В. Новые формы политического участия в условиях цифрового общества // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2022. № 21-1. С. 119–125.

Лучинкина А. И. Специфика мировоззрения интернет-пользователей // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51-1. С. 311–317.

Медведева Т. Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: технопрогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). С. 45–61.

Пронин М. А. Вызовы мировоззрению разработчиков технологий виртуальной реальности (TVR): философские, этические, юридические и другие следствия // Философия образования. 2016. № 6 (69). С. 46–69. <https://doi.org/10.15372/PHE20160605>

Пудовкина И. М. Интернет как канал влияния на формирование религиозного сознания // Дискуссия. 2017. № 1 (75). С. 68–74.

Твердынин Н. М. Технократизм и технофобия: соперничество на протяжении всей истории цивилизации // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (3). С. 65–71.

Торкунов А. В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 7–22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.02>

Федорченко С. Н. Мировоззрение в условиях цифровизации государства // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 69–90. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-69-90>

Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>

Airolidi M. Potrebbe interessarti anche: recommender algorithms e immaginario, il caso YouTube // Im@go. A Journal of the Social Imaginary. 2015. No. 6. P. 132–150. <https://doi.org/10.7413/22818138050>

Cheney-Lippold J. A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control // Theory, Culture & Society. 2011. Vol. 28, iss. 6. P. 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424420>

Lash S. Power after Hegemony: Cultural Studies in Mutation? // Theory, Culture & Society. 2007. Vol. 24, iss. 3. P. 55–78. <https://doi.org/10.1177/0263276407075956>

Velkova J., Kaun A. Algorithmic Resistance: Media practices and the Politics of Repair // Information, Communication and Society. 2021. Vol. 24, iss. 4. P. 523–540. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2>

Володенков Сергей Владимирович — д-р полит. наук, гл. науч. сотр.;
s.v.cyber@gmail.com

Федорченко Сергей Николаевич — д-р полит. наук, гл. науч. сотр.;
s.n.fedorchenko@mail.ru

Печенкин Николай Михайлович — лаборант, науч. сотр., преп.; nick_pechyonkin@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 11 ноября 2022 г.;

рекомендована к печати: 2 декабря 2022 г.

Для цитирования: Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой коммуникационной среде: по материалам экспертного исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 1. С. 58–79. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.105>

OPPORTUNITIES AND FEATURES OF THE WORLDVIEW FORMATION IN THE DIGITAL COMMUNICATION ENVIRONMENT: BASED ON THE MATERIALS OF AN EXPERT STUDY*

Sergey V. Volodenkov

State Academic University of Humanities,
26, Maronovsky per., Moscow, 119049, Russian Federation
Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; s.v.cyber@gmail.com

Sergey N. Fedorchenko

State Academic University of Humanities,
26, Maronovsky per., Moscow, 119049, Russian Federation
National Research Nuclear University MEPhI,
31, Kashirskoye shosse, Moscow, 115409, Russian Federation; s.n.fedorchenko@mail.ru

Nikolai M. Pechenkin

State Academic University of Humanities,
26, Maronovsky per., Moscow, 119049, Russian Federation
Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky pr., Moscow, 125993, Russian Federation; nick_pechyonkin@mail.ru

This article is devoted to identifying the features of the formation and transformation of the worldview and its key components in the context of the intensive development of the modern digital communication environment. In this regard, the paper puts forward a research hypothesis that the digital information and communication environment, as well as digital communication technologies, mechanics, affordances and algorithms, are not value-neutral and have the potential to influence the content aspects of the worldview of individuals. To confirm this hypothesis, the authors carried out a discourse analysis of modern research on this issue, as well as an international expert study with the aggregation and analysis of the results. The article defines and discusses the peculiarities of the influence of digital tools on the mass perceptions of users of the digital environment about objective reality, as well as on traditional worldview and value-semantic models. Based on the results of the study, a conclusion was drawn about the high level of value coloring and the significant impact of the digital information and communication environment, as well as digital communication technologies, mechanics, affordances, and algorithms on the modern worldview of individuals. It is concluded that the modern space of digital communications has acquired an independent ontological status, which, in the context of a significant drop in the volume of direct experience of the interaction of individuals with reality, is the foundation for intensive replacement of traditional ways of understanding the world and of the formation of worldview ideas through real social interaction with digital, maximally virtualized ways of understanding the world. The authors also conclude that high speed and intensity, seeming randomness and multidirectionality, as well as the high dynamics of the structure of digital communications, determine the crisis of the value-semantic and worldview self-identification of a modern person.

Keywords: worldview, digital environment, values, meanings, smart algorithms, affordances, digital communication.

* The study was carried out at the State Academic University for the Humanities within the framework of the project "FZNF-2022-0001 — Possibilities and Features of Worldview Formation in the Digital Environment" with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

References

- Airoldi M. Potrebbe interessarti anche: recommender algorithms e immaginario, il caso YouTube. *Im@go. A Journal of the Social Imaginary*, 2015, no. 6, pp. 132–150. <https://doi.org/10.7413/22818138050>
- Bykov I. A., Kurushkin S. V. Digital political communication in Russia: the values of humanism versus the technocratic approach. *RUDN Journal of Political Science*, 2022, vol. 24, no. 3, pp. 419–432. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432> (In Russian)
- Cheney-Lippold J. A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control. *Theory, Culture & Society*, 2011, vol. 28, iss. 6, pp. 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424420>
- Coleman S. Can the Internet Strengthen Democracy?, transl. from English. St Petersburg: Aletheia Publ., 2018. 132 p. (In Russian)
- Degtarev D. A. Value sovereignty in the era of global convergent media. *Vestnik RUDN*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 352–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371>
- Emelin V. A. *Identity in the information society*. Moscow: Kanon+, ROOI Reabilitatsiia Publ., 2017. 360 p. (In Russian)
- Emelianenko V. D. Internet and value-ideological foundations of morality. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2013, no. 9, pt. 2 (35), pp. 58–62. (In Russian)
- Fedorchenko S. N. Worldview in the conditions of digitalization of the state. *Journal of Political Research*, 2022, vol. 6, no. 3. pp. 69–90. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-69-90> (In Russian)
- Galloway A. R., Tucker Y., Wark M. *Excommunication: three essays on media and mediation*, transl. from English. Moscow: Ad Marginem Press, 2022. 256 p. (In Russian)
- Isaev I. A. *Power technology. The power of technology*. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 144 p. (In Russian)
- Kharichev A. D., Shutov A. Yu., Polosin A. V., Sokolova E. N. Perception of Basic Values, Factors and Structures of Russia's Socio-Historical Development (Based on Research and Approbation Materials). *Journal of Political Research*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 9–19. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19> (In Russian)
- Kolesnik I. I. Debunking the “Myth of the Machine” in the Cultural Philosophy of Lewis Mumford. *International Relations and Dialogue of Cultures*, 2020, no. 8, pp. 211–220. <https://doi.org/10.1870/HUM/2304-9480.8.15> (In Russian)
- Krainov A. L. Values of the posthuman future: the problem of choice. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 16–20. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-16-20> (In Russian)
- Kurochkin A. V. Rationality in network communication: from hierarchy to pluralism of value bases. *Strategic communications in business and politics*, 2017, no. 3, pp. 42–47. (In Russian)
- Lash S. Power after Hegemony: Cultural Studies in Mutation? *Theory, Culture & Society*, 2007, vol. 24, iss. 3, pp. 55–78. <https://doi.org/10.1177/0263276407075956>
- Lemeshova T. V. New forms of political participation in a digital society. *Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Philosophical and humanitarian sciences*, 2022, no. 21-1, pp. 119–125. (In Russian)
- Luchinkina A. I. Specifics of Internet Users' Worldview. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 2016, no. 51-1, pp. 311–317. (In Russian)
- Medvedeva T. B. Technological utopia and forms of its representation in modern culture: technoprogressivism, transhumanism and digital utopia. *Belgorod State University Scientific bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2011, no. 20(115), pp. 45–61. (In Russian)
- Pronin M. A. Challenges to the Worldview of Virtual Reality (TVR) Technology Developers: Philosophical, Ethical, Legal and Other Consequences. *Philosophy of Education*, 2016, no. 6 (69), pp. 46–69. <https://doi.org/10.15372/PHE20160605> (In Russian)
- Pudovkina I. M. Internet as a channel of influence on the formation of religious consciousness. *Discussion*, 2017, no. 1 (75), pp. 68–74. (In Russian)

Torkunov A. V. Russia and political order in a changing world: values, institutions, prospects. *Polis. Political studies*, 2022, no. 5, pp. 7–22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.02> (In Russian)

Tverdynin N. M. Technocracy and technophobia: rivalry throughout the history of civilization. *Vestnik of the Samara State Technical University. Series: Philosophy*, 2020, no. 1 (3), pp. 65–71. (In Russian)

Velkova J., Kaun A. Algorithmic Resistance: Media practices and the Politics of Repair. *Information, Communication and Society*, 2021, vol. 24, iss. 4, pp. 523–540. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2>

Volodenkov S. V. The world around as a simulation reality: on the communication foundations of the modern worldview. *Journal of Political Research*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 20–40. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-20-40> (In Russian)

Weber M. *Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism*, transl. from German by M. Levina. Moscow: AST Publ., 2021. 352 p. (In Russian)

Received: November 11, 2022

Accepted: December 2, 2022

For citation: Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N., Pechenkin N. M. Opportunities and features of the worldview formation in the digital communication environment: Based on the materials of an expert study. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 58–79. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.105> (In Russian)